

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

КРАПОВЫЕ
РАБЫ

Сергей Васильевич Самаров

Краповые рабы

Серия «Спецназ ГРУ»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8333388
Сергей Самаров. Краповые рабы: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-74583-8

Аннотация

Отряд спецназа ГРУ под командованием старшего лейтенанта Самоцветова уничтожает банду дагестанских боевиков, а главаря – эмира Дагирова – захватывает в плен. Кроме того, спецназовцы освобождают четырех пленных, которых Дагиров собирался продать в рабство. Пленные сообщают Самоцветову, что эмир готовился передать их банде грузинских наемников-работоторговцев, которые в настоящее время переправляют в Грузию несколько десятков российских граждан для продажи на невольничьем рынке. Спецназ немедленно бросается в погоню за грузинскими работоторговцами, но перехватить их на территории России не успевает. После недолгих колебаний Самоцветов принимает решение продолжать преследование бандитов на территории сопредельного государства...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	40
Глава вторая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сергей Самаров

Краповые рабы

Пролог

– Идут четверо... – шепотом сказал рядовой Крюков.

Голос его слегка вибрировал, но не от испуга, а от злости и желания поскорее вступить в бой. Он словно бы своей внутренней силой торопил бандитов, требовал от них более быстрого передвижения. Обещая что-то и одновременно угрожая.

Старший сержант Родион Семисилов медленно повернулся и глянул в крохотное пространство между двух камней. Стрелять в это отверстие было невозможно – не позволял толстый и объемный глушитель автомата «9А-91», который в отверстие не влезал. Надо было приподняться над камнем. И Родион дождался, когда бандиты выйдут на удобное для него место, и приподнял голову выше.

Автомат медленно поднялся и лег на камень. Указательный палец правой руки привычно нашел спусковой крючок. Левая рука сжала ребристое пластмассовое цевье. Глаз прицел к коллиматорному прицелу. Лазерный целеуказатель направил красную точку на горло бандита, идущего на два шага позади двух первых и на полшага позади третьего. Выстрел

был слышен только тем, кто оказался рядом, то есть своим же солдатам и пленникам-рабам, которых солдаты только что освободили. Пуля пробила бандиту горло, но он не сразу упал, а успел схватиться одной рукой за горло, а из второй выронил автомат. Но Семисилов не стал ждать, когда бандит упадет. Его сосед остановился и обернулся и тут же получил пару пуль в затылок.

Двое из передней пары среагировать не успели. Не было у них времени на то, чтобы продемонстрировать свою реакцию. Другие солдаты тоже начали стрелять. Каждому из бандитов досталось по несколько пуль.

И тут же, словно в ответ на действия спецназовцев, где-то в стороне, за выходом из ущелья, раздались автоматные очереди. Это стрелял явно не спецназ, все солдаты взвода которого имели «девяносто первые» автоматы с глушителями. Это бандиты, видимо, отвечали на атаку взвода. Судя по плотности огня, бандитов было много, и они с каждой минутой приближались. Спецназ поджимал их к входу в ущелье. Группе старшего сержанта Семисилова это было совсем не интересно, поскольку он предполагал, что бандиты попробуют в ущелье укрыться. Но с ним только три солдата и трое освобожденных гражданских. Эти даже без оружия, хотя им и следовало бы дать оружие убитых охранников. Хотя они и стрелять-то не умеют... А вчетвером противостоять банде, которая имеет множество стволов, трудно. Даже удержать их на дистанции сложно. Смогут ли спецназовцы здесь удер-

жать позицию – этот вопрос оставался открытым...

* * *

Так уж получилось, что группа из четырех человек под командованием заместителя командира взвода старшего сержанта контрактной службы Родиона Семисилова отделилась от взвода. Семисилов сам предложил этот поиск:

– Товарищ старший лейтенант, время-то поджигает. Вы дальше идите, там еще куча ущелий, а я возьму трех человек и пройду по этой щелочке...

И командир взвода старший лейтенант Самоцветов разрешил:

– Давай, Родя. Внимательно смотри. Только не задерживайся. Догонишь нас...

Ущелье в самом деле благодаря узкому входу казалось щелочкой, трещиной, в которой жить, по большому счету, невозможно. Предполагалось, что здесь и глубина-то не может быть значительной. Два-три десятка метров вниз, никак не больше. Так, по крайней мере, думалось, когда смотришь поверху на почти плотно сходящиеся скалы. Раскол между ними, и все...

Взводу еще утром поставили задачу. В оперативный штаб антитеррористического комитета поступили агентурные данные о том, что в одном из ущелий горной гряды Красная бандиты намерены провести аукцион по продаже рабов

своим землякам, которые пожелают их купить. Рабы сюда традиционно привозились из населенных русскими регионов России и использовались местными жителями на любых работах, чаще всего на стройках как неквалифицированная рабочая сила. Иногда в рабы попадали солдаты, которых удавалось захватить во время «увольнительной». Такие, за счет молодости и больших физических сил, стоили, как правило, дороже, но содержать их было сложнее, приходилось лучше охранять, поскольку солдаты всегда имели желание сбежать. Вот взвод спецназа и отправили выручать рабов. Говорили, среди общего числа должно быть три солдата. Сложность состояла в том, что не было точно известно ущелье, где именно должен проходить аукцион. Приходилось искать следы, просто осматривать все ущелья по порядку. Это было и долго, и хлопотно. На подходе к Красной взводу встретился отряд спецназа внутренних войск, выполнявший свою задачу. Ни о каком аукционе «краповые» не слышали, отвлекаться, чтобы помочь спецназу ГРУ, ни желания, ни планов не имели. Они продолжили свой путь, а спецназовцы ГРУ – свой.

Старший лейтенант Самоцветов поздно сообразил, что следовало бы найти высокое место и отслеживать любое передвижение людей по ближайшим к горному массиву холмам. Горная гряда Красная проходила как раз по краю этих холмов и пересекалась сквозными и тупиковыми ущельями. Всего карта показывала наличие двенадцати ущелий. В какое из них пойдут «покупатели», можно было определить ви-

зуально. Подъехать к горной гряде можно, пожалуй, только на танке или боевой машине пехоты. Никакая другая техника усыпанные крупными камнями холмы осилить не смогла бы. Спецназу, чтобы сюда добраться, пришлось высадиться из машин на дороге и целую ночь бежать. Хороший марш-бросок получился. Но солдаты взвода к подобным марш-броскам привычны. Конечно, не каждый день такое расстояние преодолевают, но у себя на базе, в период подготовки, раз в неделю пятидесятикилометровые марш-броски совершают. Потому и этот ночной марш-бросок не стал чем-то из ряда вон выходящим. Спешили, чтобы освободить рабов.

Отсутствие информации о точном месте проведения аукциона сразу обещало сложный поиск. Так и оказалось. Но ответственность чувствовал каждый боец, и все старались. И потому старший сержант Семисилов проявил инициативу, желая малым составом осмотреть внешне совсем мелкое ущелье. Однако, протиснувшись через узкий проход, старший сержант и трое солдат оказались во вполне нормальном по величине ущелье, уводящем в глубину горного массива и, вероятно, уходящем куда-то в Грузию. До Грузии с этого места, как помнил старший сержант, было совсем недалеко, не более тридцати километров. Там, за границей, чуть западнее, находится горная Сванетия. Там, по слухам, в каждом доме есть русские рабы. И поставки рабов для сванов осуществляются через Дагестан. Но это только слухи, хотя, как правило, слухи не возникают из ничего. Но в последней

информации ничего не говорилось о том, что рабов должны отправить за границу.

Старший сержант вместе с солдатами, разделившись на две пары, двинулись в сумраке тесного ущелья вперед. И скоро почувствовали легкий запах дыма. Причем почувствовали его одновременно в одной и в другой паре и обменялись условными знаками. Сначала старший сержант Семисилов поднял в согнутой в локте руке сжатый кулак. Жест этот дает команду «Замереть». От противоположной стены ущелья старшему сержанту ответил младший сержант Васнецов и прижал палец к нижнему веку. Этот знак расшифровывался как «Вижу». А поднятые затем два пальца обозначали, что младший сержант видит двоих бандитов. И тут же последовал следующий знак – опущенная в сторону земли ладонь совершила несколько движений – «Двигаться вперед скрытно».

Обе пары так и двинулись, прячась за камнями, «гусиным шагом». И через пять метров старший сержант Семисилов сам увидел малюсенький костерок, к которому тянули руки два бандита. Это был даже не костерок, а только угли от прогоревшего ночью костра. Но бандиты эти угли разворошили и раздули, чтобы получить от них тепло. И теперь грели руки. Наверное, давно сидят без движения, если руки замерзли.

Старший сержант Семисилов показал Васнецову пальцем на себя и на своего напарника рядового Крюкова и припод-

нял автомат. Это значило, что стрельбу они берут на себя. Что следовало делать в такой ситуации второй паре бойцов, объяснять не требовалось. Два автомата поднялись одновременно. И даже объясняться друг с другом, чтобы выбрать, кому в кого стрелять, не требовалось. Один находился слева, второй справа, это и решало выбор. Две короткие очереди не нарушили тишину ущелья. Звук стреляющего «девяносто первого» с глушителем был не громче щелчка двумя пальцами. Даже падение двух тел было более громким.

И сразу после коротких, в два патрона, беззвучных, но все же точных и убийственных очередей вторая пара спецназовцев стремительным рывком оказалась у костра, высматривая возможных дополнительных противников. Короткие стволы, удлиненные глушителями, как дикие черные глаза, рыскали по пространству, выискивая жертву. Однако вокруг никого видно не было. Но рядом находились три землянки. Кто-то мог показаться и оттуда, потому следовало соблюдать осторожность.

Младший сержант Васнецов дал очередной знак, понятный другим. И, пока никто не показался, Семисилов с Крюковым тоже перебежали к костру. Семисилов не поленился и вышвырнул из кострища убитого бандита. Тот, получив пулю, упал прямо в угли лицом. Лицо бандита получило ожоги, но не сильные. Сильнее всего пострадала густая борода, сразу порыжевшая, осыпавшаяся и противно завонявшая. Но самого обладателя бороды это уже не волновало.

Произошел очередной молчаливый обмен знаками. Спецназовцы хорошо друг друга понимали. Обсуждался вопрос осмотра землянок. Младший сержант Васнецов показал на карман «разгрузки», заменяющий подсумок для гранат. Тактика в таких случаях обычная. Сначала бросить за дверь гранату и только потом входить. Это то же самое, что в пустом коридоре поворачивать за угол, где, возможно, стоит кто-то с поднятым и готовым к стрельбе оружием. За угол тоже сначала бросают гранату и только потом сами выходят. Элементарные правила собственной безопасности. Однако в данном случае замкомвзвода категорично не согласился, изобразив очередной жест – словно пальцами хотел ухватить себя за горло и придушить. Обычно этот знак показывает присутствие заложников, в данном случае рабов. Семисилов показал большим пальцем на себя, объясняя, что он пойдет. Он и пошел первым, другие его подстраховывали. Один смотрел через плечо старшего сержанта, с поднятым, прижатым к своему плечу автоматным раскладным прикладом, двое других наверху, выставив стволы в разные стороны. Входить в землянку при этом можно было двумя способами. Или врываться и сразу светить мощным тактическим фонарем, укрепленным сбоку на автомате, или входить медленно, без скрипа открывая дверь. Семисилов выбрал второй способ. Придерживая рукой, чтобы не заскрипела, дверь, стал медленно ее открывать. И сразу начал морщиться от запаха, который ударил ему в нос. И только после этого приоткрыл

дверь шире, посветил фонарем и сделал вперед единственный шаг, все осмотрел и сразу вышел.

Рядовой Крюков тоже почувствовал запах и тоже поморщился. Из землянки так сильно пахло мочой, что дышать таким воздухом было просто опасно для здоровья.

У двери второй землянки все повторилось, только старший сержант задержался за дверью чуть дольше, и Крюков услышал тихо сказанные Семисиловым слова:

– Выходи по одному. Быстро, пока мы не задохнулись...

Медленно, с руками, убранными за голову, как опытные арестанты, землянку покинули трое немолодых людей, по внешности которых трудно было определить даже их национальность. Синие испитые лица, небритые физиономии, грязь на лицах и на руках. Типичные бомжи. Только бомжи на улицах городов выглядят более привлекательно. Должно быть, это и были рабы. Оружия при себе они, понятно, не имели.

Старший сержант показал пальцем на последнюю землянку. И поднял подбородок, словно спрашивая таким способом, кто там может быть. Бомжи уже увидели два распростертых у костра бандитских тела. И сразу опустили руки.

– Больше здесь никого, – сказал мужчина, вышедший первым, и кивнул в сторону костра. – Только эти оставались нас караулить. Остальных всех увели продавать.

– А вы?

– Товар не качественный, – усмехнулся второй, отвечая

сиплым голосом. – Товарного вида не имеем, а откармливать нас бесполезно. Не в коня корм. Нас только французским одеколоном отпоить можно. Настоящим, не какой-нибудь польской подделкой. А что ты думаешь, по флакону на брата, и мы еще сплясать можем...

– Вы одним запахом всех покупателей отпугнете, – сказал рядовой Стрижаков, четвертый спецназовец в группе.

– И это маленько есть, – согласился третий, кажется, очень довольный собой и собственными жизненными успехами. – Благоухаем...

* * *

Несмотря на «благоухание», осмотр землянок был произведен.

Землянки, вне всякого сомнения, предназначались для рабов. Там они и жили, там, видимо, и питались, не имея возможности выхода наружу, о чем говорили мощные засовы на дверях и тяжелые замки, сейчас не закрытые по причине отсутствия необходимости.

– Сколько вас всего было? – спросил старший сержант Семисилов старшего из бомжей, усевшихся у костра и подбросивших туда несколько сухих поленьев. Старший был старшим, скорее всего, не по возрасту, а просто так себя поставил среди других, что командовал ими. И два других бомжа подчинялись ему без всякого внутреннего сопротивления. Оба

были из категории тех людей, которые привыкли всегда доверять другим людям или обстоятельствам управление собственной жизнью. Это бывает удобно и не заставляет тратить собственные силы и напрягать мозг раздумьями. В принципе, так бывает и в армии, но в армии порядок распоряжений носит другой характер. И здесь доверие к командирам не добровольное, а официально установленное.

– Всего было двадцать одно рыло. По семь человек в землянке. Один недавно умер. Просто уснул и не проснулся. Мы его даже похоронили сами. Два дня никто не хватился, что он не шевелится, потом похоронили. Выпустили нас могилу копать. Воздухом слегка подышали. Потом опять туда. Закрыли...

– Как тебя зовут? – спросил старшего бомжа младший сержант Васнецов.

Вообще-то Вася Васнецов всегда был человеком вежливым и культурным по своему семейному воспитанию. И обычно звал старших по возрасту на «вы». Но у младшего сержанта как-то язык не повернулся звать на «вы» бомжа, хотя тому уже далеко за сорок, если не за пятьдесят.

– Серафим Львович я, – ухмыльнулся бомж беззубым ртом, зная по опыту, что редкое в современности его имя обычно вызывает недоумение.

– Хорошее имя, – без удивления констатировал старший сержант Семисилов.

– А тебя как? – бомж спросил старшего сержанта, а не

Васнецова.

Старший среди бомжей желал познакомиться со старшим среди солдат.

– Старший сержант Семисилов.

– Ой, какая фамилия хорошая! – воскликнул бомж и даже руками радостно всплеснул. – Второй раз в жизни встречаю.

– А я вот ни разу в жизни однофамильцев не встречал, – признался Родион с улыбкой.

– Хорошая фамилия, – поддержал Серафима Львовича рядовой Стрижаков. – Он у нас один семерых осилит. Одна рука, как две мои ноги.

– Здесь разговор не о физических силах, потому что не в них главное, – совсем не нравоучительно, а как-то почти мимоходом сказал бомж. – Ты сам знаешь, старший сержант, откуда твоя фамилия происходит?

– Я так думаю, что от семи сил в одном человеке. Говорят же, семижильный. Наверное, говорили и – семисильный.

– Не так, не так... – возразил Серафим Львович с непонятной радостью в горле. – В твоей фамилии громадный сакральный смысл заложен. Потому как сила человеческая далеко не в мышцах. Вообще число «семь» – это самое магическое число из всех. В Библии сказано, что мир создан за семь дней. В каждой церкви в алтаре горит семь свечей. Неделя состоит из семи дней. Солнечный спектр включает в себя семь цветов, а все остальные – это их производные. Точно так же семь запахов предлагает нам стереохимическая

химия, а все остальные являются их смешением. Христианство говорит о семи смертных грехах. А уж народная мудрость это число использует по полной программе: «Семь раз отмерь...», «Семеро одного не ждут...», «Семь бед – один ответ...» и так далее. И сила этого числа велика, как и сила твоей фамилии.

– В чем тогда сила, Серафим Львович, если не в мышцах, в штанах, что ли? – спросил рядовой Крюков.

Бомж на слова рядового не отреагировал. И смотрел только на старшего сержанта.

– Сила человека в Слове Божьем. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Господь наш, распятый на кресте на Голгофе, дал нам семь слов. Пусть кто-то назовет это семью фразами, но это, по большому счету, есть понятие семисловия и семисилия. Потому что именно эти семь Слов дают человеку силу для высших испытаний. А Господь посылает нам только такие испытания, которые мы в состоянии перенести. Собрать семь сил и перенести. Я не буду сейчас все семь фраз перечислять. И не в том я состоянии, чтобы кого-то учить. Но кто захочет, тот Евангелие возьмет и прочитает. Всего семь слов или фраз произнес Господь на кресте. И дал людям семь сил. Вот отсюда у тебя и фамилия такая. Это древняя христианская фамилия. Она, кстати, и у иудеев, и у греков встречается, только я не помню, как она у них звучит.

– Так ты, Серафим Львович, бомж или бич? – спросил

младший сержант Васнецов.

– Я – просто человек, – ответил бомж с нравоучительной гордостью и ответил твердо, готовый отстаивать свое мнение. – А ты, младший сержант, какой смысл вкладываешь в эти ярлыки, которые к людям пытаешься приклеить? Я не собираюсь, честно скажу, с тобой дискутировать. Мне просто интересно.

– Ну, бомж, – сказал Василий, – это в общепринятом понятии аббревиатура от «без определенного места жительства». А бич – это аббревиатура от «бывший интеллигентный человек». Я как-то так считал, что между этими понятиями есть разница. Бомжи обычно не работают, бичи временами и на работу устраиваются. Как правило, на временную, на сезонную.

– А что, интеллигентный человек, даже бывший, не может бомжом стать? – спросил Серафим Львович, вопросительно глядя из-под приподнятых косматых бровей.

– Он просто так витиевато пытается выяснить, кем вы были прежде, чем в такое положение попасть, – пояснил старший сержант, смягчая ситуацию. – Ваши размышления несколько не похожи на обычную речь простого потерявшего себя человека.

– Я был доктором богословия, читал лекции, миссионерствовал, проповедовал... А теперь, когда младший сержант ко мне ярлык приклеил, стал бомжом. Как мы любим ярлыки приклеивать людям. А ведь каждый человек может сего-

дня быть одним, а завтра стать другим. И не только сверху падают, бывает, что и снизу поднимаются. Хотя сверху падают, конечно, чаще. Но ярлык... Это все равно – не есть хорошо. Даже хороший ярлык. Вы не слышали историю, как великий Леонардо да Винчи рисовал фреску «Тайная вечеря» для собора в монастыре Санта-Мария-делле-Грацие в Милане? Могу рассказать...

– Говорите, – согласился Семисилов.

– Леонардо любил рисовать лица с натуры. Долго искал, с кого ему рисовать образ Христа. Наконец нашел. Очень хороший образ получился. С апостолами было проще. Там не нужно было такого колорита. Загвоздка вышла, когда он стал писать Иуду Искариота. Ни один натурщик не подходил. Леонардо долго бродил по Милану, искал. Наконец попался ему какой-то горький пьяница со страшным лицом. Великий мастер повел его в монастырь. Лицо показалось подходящим и даже чем-то знакомым. В монастыре пьяница повел себя так, словно все там знает, чем сильно удивил Леонардо. Мастер спросил, когда тот был там. И что оказалось? Оказалось, что это тот самый человек, с которого Леонардо писал Христа... За короткий срок человек возгордился, спился и опустился, и к нему приклеили новый ярлык. Кстати, это относится и к вопросу о том, кто изображен на иконах, которые висят в каждой церкви...

Некоторое время все молчали, вдумываясь в рассказанное.

– Вот был ты миссионером. Проповедовал... А потом убедился, что Бога нет? – нарушая молчание, спросил, наконец, рядовой Стрижаков.

– А как в этом можно убедиться? – удивился бомж. – «Бог человекам невозможно видеть...» Религия потому и называется Верой, что в ней все построено на Вере. А Веру проверить нельзя. Сам Господь сказал: «Блажен, кто верует...» Хотя, слышал я, что какие-то ученые-физики появились, которые теоретически доказали, что Бог есть. У нас в России. И слава Богу, что доказали...

Старший сержант Семисилов перекрестился при этих словах.

– Верующий? – спросил Серафим Львович.

– Верующий.

– Православный, как я понимаю...

– Православный.

– Язычник то есть! – категорично вешая ярлык, сказал Серафим Львович.

– Православный! – упрямо и угрюмо повторил Семисилов.

– А кто такие православные, если они поклоняются идолам? Я уже на примере Леонардо сказал только что, кого могут изображать ваши иконы. А Бог завещал нам: «Не сотвори себе кумира». Еще Моисею завещал...

– Это Ветхий Завет. А Иисус дал нам Новый Завет.

– Господь наш Иисус Христос в Нагорной проповеди ска-

зал, что он пришел не законы Отца нарушать, а только добавить новое во спасение человек...

– А как же «око за око и зуб за зуб»? – спросил рядовой Стрижаков. – Так в Ветхом Завете говорится. А Иисус говорил, тебе справа врежут, ты левую щеку подставь. Нам так наш бригадный священник объяснял. Новые законы в отмену старых...

– Я не буду вешать ярлык вашему бригадному священнику, но боюсь, что он плохо знает толкование Писания. «Око за око и зуб за зуб» вовсе не значит, что ударь того, кто тебя ударил. Это значит, что если ты кого-то убьешь, то и тебя ждет такая же участь. Когда Господь учит нас: не греши, он же тоже не говорит откровенно: не садись задом на горящую плиту. Иначе расплата будет. Точно такая же расплата ждет того, кто на другого руку поднимет. В Писании все сказано. И только официальные церкви, и православная, и католическая, не хотят читать писание и на него опираться, а опираются на предания и мифы. Все в точности, как делали эллинские и римские язычники. И точно так же упирались, отстаивая свою точку зрения.

– Но есть же многовековая традиция православия. В почитании икон и во всем остальном...

– Гораздо более древние традиции были и у Египта, и у Греции, и у Рима. А православные традиции появились стараниями нечестивых византийских императриц. Именно они...

Договорить не успели, потому что рядовой Крюков, которому поручили следить за входом в ущелье, громким шепотом дал предостерегающую команду:

– Внимание! Кто-то идет! Шаги слышу и разговор. Ругнулся сначала один. Споткнулся, упал и ругнулся, потом второй ему ответил. Тоже матом. Критику навел. Сколько там еще может их быть, не поймешь. Но кто-то еще хихикал. Несколько человек.

Все сразу встали. И солдаты, и бомжи, которые тоже не слишком рвались снова отправиться в свои землянки под замок, если не куда-то глубже под землю. А при встрече с бандитами это было возможным вариантом.

– Вон к тем камням! На позицию! – сразу сориентировался старший сержант Семисилов.

Он, кстати, эту позицию, на случай возможной обороны, еще раньше приметил, как подходящую. Она и в самом деле выглядела удобной. И даже была таковой, как убедились спецназовцы, подбежав ближе.

– А вы – в землянку, – попытался отослать бомжей на место младший сержант Васнецов.

– Мы с вами. Среди камней места всем хватит, – категорично заявил Серафим Львович. – Я видел. Мы там умершего хоронили.

– Хватит места, – согласился старший сержант Семисилов. – Пусть идут с нами. Вдруг, если бандитов много, прорываться придется. Не оставлять же их здесь на верную

смерть...

* * *

Размышления старшего сержанта были резонны. Мощные угловатые камни, за которые они спрятались, находились сбоку, под самой отвесной стеной и даже под каменным скальным навесом на стене и чем-то походили на зубы нижней челюсти гигантской акулы. Но сами камни, понятное дело, стрелять не умели. И, если бандитов было много, вступать с ними в бой четверым спецназовцам резона никакого не было. Их просто прижмут к камням плотным огнем, подойдут вплотную и уничтожат несколькими гранатами. Можно просто пропустить бандитов к землянкам и за их спиной тихо и аккуратно выйти из ущелья к своему взводу. А потом уже атаковать всеми силами, продвинувшись по знакомому пути. Если бандиты выставят часового у входа в щель, то, опять же, снять его изнутри будет гораздо легче, чем обнаружить снаружи. При этом оставлять пленников в землянке просто опасно. Бандиты, только подойдя ближе, сразу найдут тела двух убитых охранников и, рассвирепев, могут запросто расстрелять своих пленников без попытки найти виновных. Подобное положение вещей не устраивало ни Семисилова, ни самих бомжей. И Серафим Львович первым просчитал ситуацию и сообразил. Впрочем, когда хочется жить, поневоле научишься просчитывать ее быстро, даже

быстрее, чем спецназовцы, которых этому специально обучали.

При этом, конечно, присутствие в группе неподготовленных людей сильно осложняло жизнь самим спецназовцам. Если возникнет необходимость выбираться из ущелья тихо, незаметно и без звука, они, обученные скрытному передвижению, вполне в состоянии это сделать. А вот бомжам это будет трудно. Они ни ползать правильно не умеют, ни гусиным шагом ходить, ни прикрываться каждой минимальной возвышенностью или камнями, учитывая возможный угол обзора со стороны банды. И обучить их этим премудростям за минуты никак невозможно. Самих солдат учили этому на ежедневных изнурительных занятиях месяцами. Но их научили. Научили даже передвигаться так, что с двух метров не слышно. А бомжи даже за камни перебежали с таким грохотом и так громко дыша, что Семисилов опасался, как бы подходящие бандиты не услышали. Но среди камней они улеглись пластом, не высовываясь. Сказывалась привычка и умение прятаться от полиции, хотя бомжи, может быть, и не всегда от нее прячутся, поскольку на них полиция внимания, как правило, не обращает.

Но бандитов оказалось только четверо, и с ними благодаря глушителям на автоматах четверым спецназовцам удалось бы справиться без всяких проблем. Но вот приближающаяся от входа в ущелье стрельба солдат спецназа основательно беспокоила. Если боевики всей бандой войдут в уще-

лье, положение четырех солдат и трех бомжей станет критическим. Бандиты, скорее всего, не дадут даже пробраться за их спиной к выходу, потому что четверо бандитов убито не у землянок, а далеко от них. И предположить, где находится позиция спецназа, будет совсем не трудно.

Все зависело от расстановки сил, от общего количества бандитов и их боевой подготовленности. Что за бой идет там, у входа в ущелье. Это понятно. Взвод спецназа преследует, а бандиты прячутся в ущелье, в надежде найти здесь спасение. И как они собираются вести себя, думают просто занять оборону или бежать вверх по ущелью, это тоже было не ясно. Вообще-то проход в ущелье настолько узкий, что там держать оборону наиболее удобно. Но если бандитов будут поджимать, то они, конечно, отступят. Они просто в силу своей психологической неподготовленности не приспособлены вести длительные боевые действия. И, отступив, нарвутся на четверых солдат, которые не смогут выдержать длительный бой.

При этом старший сержант Семисилов видел тоже два варианта поведения собственной группы. Первый вариант – отступить в глубину ущелья и отступать дальше, если и бандиты будут отступать туда же. В любом случае, обстрел с двух сторон, под который бандиты попадут, должен в конце концов сломать их психологически. Второй вариант – выйти вперед, где ущелье еще довольно узкое, и там поддержать своих, атакующих спереди, и ударить бандитам в тыл. Пер-

вый вариант казался наиболее безопасным, второй – наиболее продуктивным.

– Серафим Львович, куда выходит ущелье?

– Не знаю. Нас туда не водили. Но сами бандиты живут там, дальше на пару километров.

– Я слышал разговор, – сказал бомж сильным голосом. – На противоположном конце выход в Грузию. Оттуда должны были прийти на аукцион покупатели. Сваны... Рыжие и голубоглазые грузины...

– Нет, сваны живут намного западнее, – не согласился Серафим Львович. – Да, среди них есть рыжие и голубоглазые, но они живут по другую сторону Южной Осетии. Их селения граничат с Кабардино-Балкарией и с Карачаево-Черкесией. Хотя несколько отдельных сел могут находиться и здесь. Я спорить не стану.

– Я сам видел, они проходили. И шли рядом с эмиром Дагировым. Много было и рыжих, и голубоглазых.

– Аварцы тоже бывают и рыжими, и голубоглазыми, – сказал рядовой Стрижаков. – А аварцы – стопроцентные дагестанцы.

– У дагестанцев одежда другая, – настаивал на своем бомж. – А сванов всегда можно по шапочкам определить. Такие больше никто не носит. Я видел именно сванов. Это гарантировано. И ущелье точно выходит в Грузию. Это я своими ушами слышал. Хотя разговаривали они между собой. Но болтали по-русски, я и понял.

– А почему они между собой по-русски общались? – не понял рядовой Крюков. – Может, специально дезу гнали? Чтобы ты слышал...

– Нет, говорил дагестанец другому бандиту, который дагестанского не понимал. Здесь же как – в каждой банде из разных республик. Да еще и из-за границы бывают. Эмир Бабаджан Ашурович всех пригревает. Он здесь один из немногих эмиров, который за свою веру воюет. Большинство эмиров – так просто. Бандиты и бандиты. А Бабаджан – идейный... Он все с Серафимом Львовичем на темы религии беседовал.

– Он идейный бандит, – сказал Серафим Львович. – Он – член «Джамият Ихья ат-Тураз аль-Ислами», иначе это называется «Общество возрождения исламского наследия», и, как и его партия, мечтает о свержении всех неисламских правителей, насаждении исключительно ислама суннитского толка и создании, как супердержавы, Всемирного исламского халифата. Это движение запрещено в России Верховным судом. Они даже с мусульманами, исповедующими традиционную религию, воюют. Имамов убивают, приравнивая их к еретикам. Хотя с теми, кто деньги платит, эмир дружит. И со сванами, которые ему помогают иногда за границей укрыться, хотя те стопроцентные христиане, и здесь дружит с богатыми людьми, одинаково и с верующими, и с атеистами. Как немцы говорили, «война войной, а обед по расписанию». Так и здесь – вера верой, но дела могут быть разными.

– А в жизни – милейший человек, – сказал бомж с сиплым

голосом. – И вообще бы был неплохим парнем, если бы не рассказывал постоянно один и тот же анекдот. Но однажды эмир даже отдал мне флакон французского одеколона, который реквизировал у пленного офицера ФСБ.

– А куда потом этого офицера дели? – поинтересовался старший сержант.

– Эмир узнал, что он пассивный гомосексуалист, и с живого снял с него кожу. Собственноручно. С офицера ФСБ он снимать бы не стал. А с голубого снял. Я бы вот побрезговал, а он нет.

– Я же говорю, зверь и бандит, – гнул свою линию Серафим Львович.

– Но человек милейший... – не унимался бомж с сиплым голосом. – Не побрезговал... Правда, вот анекдот этот я ему простить не могу. Ладно бы хоть разные рассказывал, пусть и «с бородой», а он одним всех достает. И не перебьешь ведь. Застрелит сразу. А его парни слушают и в очередной раз пасти разевают – хохочут. Лучше бы застрелили его. Все ведь при оружии...

– Понятно, – прекратил спор старший сержант. – Васнецов! Пробеги со Стрижаковым до прохода, загляни как можно дальше, найди место поуже, выставь пару «растяжек». И автоматы убитых с запасными рожками прихвати. Сгодятся. И гранаты тоже, если есть.

– Понял. Сделаю... – младший сержант жестом позвал за собой рядового Стрижакова и побежал туда, откуда пришли

первые четыре бандита.

Семисилов повернулся к бомжам.

– А что собой представляет база бандитов? Охрана там остается, когда другие уходят?

– Сомневаюсь насчет охраны, – сказал Серафим Львович.

– Зачем там охрана, – сказал третий бомж, с громадной родинкой под левым глазом, до этого молчавший. – Они охрану только рядом с нами выставляли. Если кто войдет в ущелье, мимо нас не пройдет. А с той стороны до границы тридцать километров по камням.

– Сам ходил? – спросил Серафим Львович.

– Я так слышал, – сказал бомж с родинкой. – Я в Махачкале родился. Язык с детства знаю. В Самару перебрался, когда мне пятнадцать лет было. Язык не забыл. Слышал, как они промеж собой разговаривали.

– Вот темнила, – сказал бомж с сильным голосом. – И молчал, что язык знает.

– Если бы сказал, кто-нибудь проболтался бы. Мир не без стукачей. Тогда при мне бы больше не разговаривали. А так – не стеснялись.

– И что ты узнал? – спросил Семисилов.

– Аукцион проводится в третьем отсюда ущелье. Как выйдешь, сразу налево. Должно быть несколько местных жителей. Хозяева кирпичного завода. И сваны должны прийти из Грузии. У них там престижно иметь русских рабов. С такими они себя выше России чувствуют. Своего рода месть. Эти

сваны из приграничных сел. Их с нашей стороны границы мало. Рабов хотят покупать для перепродажи дальше, в Сванетию. Так обычно делают. Их по ту сторону границы должен будет грузовик дожидаться. На нем и повезут. С запада в Сванетию русских рабов абхазы продают. Но те берут очень дорого. В два раза дороже, чем дагестанцы. Правда, абхазы привозят туристов. Молодых и сильных людей. Специально за такими охотятся. Заманивают на турбазы и воруют. Но молодые и сильные часто убегают. Потому в последнее время стали больше бомжей брать. Не таких, конечно, как мы, кто получше выглядит. Хотя тоже ругаются. Вино у них, если доберутся, все выпивают, а потом, говорят, хоть убивайте. А они же вино вместо воды держат. Вот наша братия и старается.

Васнецов со Стрижаковым возвращались, как и уходили, бегом. Заметно торопились, даже дыхание не берегли, что вообще-то у спецназовцев в крови. Похоже, несли важную и срочную информацию.

– Что там? – не давая им перевести дух, спросил Семисолов. – Докладывай...

– Бандиты заняли позицию и пытаются удержать проход. Отстреливаются. Наши несколько раз их из РПГ обстреляли... – начал Васнецов. – Пошел позиционный бой. Тылы у бандитов не прикрыты. Но гранатами их хорошо «накрывают». Долго не продержатся. Сейчас самое время своим помочь с тыла. В помощь гранатометчикам...

– Да, я знаю, что должны «накрывать», сам ящик осколочных гранат в машину загрузил, – сказал старший сержант, обдумывая положение.

– У бандитов большие потери. Пока отступили метров на сорок, где камни покрупнее, и дали нашим возможность миновать самое узкое место прохода и занять удобную позицию. Тоже за камнями. Сейчас просто позиционная перестрелка идет с короткой дистанции. Кто кого выдавит. На нервах друг у друга играют. Мы со Стрижаковым не удержались. Сначала «растяжки» выставили, потом дали по несколько очередей со спины. Несколько бандитов «завалили». Наши нас, скорее всего, заметили. Стреляли так, чтобы нас не задеть в случае промаха. Это было заметно.

– Перед бандитами не «засветились»?

– Нет. Нас не обнаружили. Мы вовремя отошли. Жадничать не стали.

– Силы бандитов?

Разведать силы банды заместитель командира взвода не поручал, он посылал подчиненных только «растяжки» поставить. Но они все же были армейскими разведчиками и не могли не прикинуть соотношения сил.

– Примерно на треть больше, чем наших. В пределах четырех десятков.

– У эмира Дагирова было шестнадцать человек, – вмешался в разговор бомж с родинкой.

– Вместе с теми шестью, что здесь лежат? – переспросил

Семисилов.

– Да. Вместе с ними. Значит, осталось десять человек, – бомж с родинкой оказался даже хорошим математиком.

Рядовой Крюков это сразу заметил.

– Доктор богословия из вашей землянки уже вышел. Теперь, похоже, выходит доктор физико-математических наук. Так?

– Не так. Но математику в сельской школе я по молодости преподавал. И математику, и биологию, и физкультуру. Так уж пришлось.

– Широкий профиль, – оценил Крюков с некоторым восхищением.

– А где же в деревне напасешься учителей на каждый предмет. Я по образованию учитель физкультуры. А уж что дали, тому и рад был...

– Отставить прения, – тихо сказал Васнецов.

– Предложения! – не вникая в колкий разговор, коротко потребовал старший сержант у вернувшегося с передовой линии младшего сержанта.

В этом коротком требовании чувствовалось подражание командиру взвода старшему лейтенанту Самоцветову. И слово было сказано точно так же, и сам тон сказанного был требовательным точно так же. У солдат-спецназовцев даже где-то подспудно возникло ощущение, что старший лейтенант с ними, среди них и готов сам командовать.

Васнецов посмотрел на сидящих рядом и слушающих раз-

говор спецназовцев бомжей и с кислым видом пожал плечами.

– Говори, – Семисилов хорошо знал Васнецова, уже несколько лет вместе с ним служил и прекрасно понимал его, порой, даже без слов.

– Если наших друзей... – Василий кивнул в сторону бомжей. – Если их оставим здесь, если на всякий случай вооружим их... – теперь он кивнул в сторону только что принесенных Васнецовым и Стрижаковым автоматов убитых бандитов. – Тогда можно помочь взводу. Хорошо укроемся и с тыла будем обстреливать. Это даже нужно сделать. И чем быстрее, тем лучше.

– Наши в нас не попадут?

– В нас же со Стрижаком не попали. Я думаю, товарищ старший лейтенант не забыл, что мы здесь, всех предупредил. Но каждое наше попадание спасет чью-то жизнь. При этом, как вероятное развертывание событий, вижу вариант, при котором бандиты нас определяют. Тогда они повернут. Попытаются прорваться. В этот момент мы вынуждены будем отступить обычным маневром. Двое отступают, двое прикрывают. Отступить, думаю, лучше в глубину ущелья.

– Мы здесь не останемся, – решительно сказал бомж с родинкой под глазом. – Мы с вами.

– Чтобы нам потом и самим отбиваться, и вас защищать? – спросил Васнецов. – Удовольствие малое. Обычно тому, кто других защищает, себя защитить не удастся. Мы уже таки-

ми ситуациями научены. Если высунешься, я тебе пулей под вторым глазом отметину поставлю. Для симметрии. Сиди и не рыпайся. Можешь для удовольствия автомат в руки взять. Только осторожно, он заряжен. Нос себе не отстрели...

Старший сержант, не обращая внимания на говоривших, сосредоточенно думал. Потом решился и встал, сам плечистый и крепкий, как окружающие их камни. Казалось, непоколебимый.

– Идем...

* * *

На позицию рискнули бежать бегом, хотя и знали, что если бандиты вдруг начнут отступать именно в этот момент, то столкнутся лицом к лицу со спецназовцами в малом числе, причем столкнутся в месте, где практически невозможно укрыться, где нет рядом ни крупных камней, ни скал, от которых они, наоборот, удалялись. И преимущество в плотности огня у бандитов будет несомненное. А плотность огня автоматов с глушителями вообще, как говорит практика, сначала не ощущается. По крайней мере, не наводит на противника панического ужаса и не заставляет его искать укрытие, вместо того, чтобы стрелять навстречу. Этот момент, как правило, все же возникает, но уже после того как потери станут значительными и заметными любому. Автоматы с глушителем – оружие эффективное, но малоэффектное. Оно

не пугает так, как обычный автомат. Но задача спецназовцев стояла не в том, чтобы напугать, а в том, чтобы уничтожить как можно большее число бандитов, чтобы взводу можно было с ними легче и без лишних потерь справиться. И бежали к передовой позиции они стремительно.

Серафим Львович высунулся из-за камня, наблюдая за солдатами.

– Егорыч, сможешь так бегать?

Бомж с сильным голосом тоже высунулся.

– Только если свору ментов за мной пустить. С громким лаем в мегафоны...

– Бородино, а ты?

Бомж с родинкой под глазом посмотрел между камнями.

– Я что, дурак, что ли? Сам убегу, а ноги позади останутся... Что за жизнь без ног...

– Бегут хорошо. Отважные мальчишки. А эмира Бабаджана Ашуровича они не удержат, – сделал вывод Серафим Львович. – Положат этих мальчишек там же. Останутся в этом ущелье, как оловянные солдатики в своей коробке. Слишком много у эмира людей. А потом и нас рядом с ними положат. Как крутых сообщников. И что делать будем, господа хорошие?

Бомж с сильным голосом взял в руки автомат и передернул затвор. Так он ответил.

– А ты когда-нибудь стрелял в людей? – прозвучал вопрос.

– Не-а... Когда я служил, в Афгане война как раз началась.

Но нас туда не посылали.

– Но с автоматом-то, смотрю, обращаться умеешь?

– Если служил, наверное, умею. Правда, тогда автоматы другие были. Там калибр был, так калибр. А это – пукалка... Но Бабаджана Ашуровича я встречу! С удовольствием ему все выскажу. И спрошу, почему он нам французский одеколон постоянно не поставлял. Милейший он человек, а вот на одеколоне пожадничал. А громче всего за анекдот спрошу. Чтобы он вспомнил и сам над ним в аду похохотал...

– А ты, Бородино? Что делать будешь?

– Не знаю. Может, так как-нибудь все обойдется? На тормозах скатится...

– Не обойдется, – уверенно сказал Серафим Львович. – Убьют нас.

– Пусть постараются, – недобро хмыкнул Егорыч. – Я тоже их убить хочу. За каждый день здесь по паре человек. Если каждый из нас так настроен, то отобьемся...

– Только я тебе не помощник, – сказал Серафим Львович. – Я никогда в людей не стрелял и стрелять не буду. Не я им судьба... Буду просто молиться. А ты как хочешь...

– Я, пожалуй, тоже стрелять не смогу, – сказал Бородино. – Меня отдачей с ног сшибет.

Спецназовцы тем временем благополучно добежали до крайних скал прохода. По пути перепрыгнули через тела убитых ими четверых бандитов. Рядовой Крюков и старший сержант Семисилов, притормозив, выглянули из-за ближней

скалы и тут же перебежали за проход, чтобы стрелять с правого плеча от дальней скалы. Во второй паре только младший сержант Васнецов был левшой, то есть при стрельбе упирал приклад в левое плечо, а рядовому Стрижакову приходилось бы сильно высовываться, чтобы точно прицелиться. Но Стрижаков сразу залег на левый бок, пусть и высунулся слегка вперед, но подножие скалы несколько выступало и прикрывало его. На это же подножие удобно лег и автомат. Младший сержант завис над Стрижаковым, поставил левую ногу рядом со спиной рядового, а правой, согнутой в колене, в скалу уперся и высовывал из-за скалы только автомат, руки и часть головы. При этом в сам проход выдвигаться у Васнецова необходимости не было, потому что бандиты на находившейся неподалеку позиции расположились широко, и младший сержант свободно мог простреливать их левый фланг, точно так же, как и рядовой Стрижаков. Идентично, по диагонали, стреляли и старший сержант Семисиллов с рядовым Крюковым, только они простреливали правый фланг бандитов. Специфические автоматы спецназовцев психологического давления не оказывали, но свое дело делали качественно. Скорее всего, спецназу противостояли не опытные бандиты, прошедшие и обучение, и войну, а в самом деле пришедшие из Грузии сваны. Они даже лежали неуклюже, плохо использовали укрытия и стреляли торопливо, не успев прицелиться, стреляли не в цель, а в сторону и слишком длинными очередями, отчего их стволы от-

брасывало вверх и влево после каждой очереди. Это дополнительно показывало, где прячется противник, и таким подарком было грех не воспользоваться. И потому атакующий взвод спецназа наносил бандитам заметные потери, хотя действовать всеми наличными силами спецназовцам не позволяла узость прохода. Дополнительные прицельные очереди солдат и сержантов взвода с тыла сразу многократно усилили потери. Пятьдесят метров – это удобная боевая дистанция. И промахнуться трудно, и видно хорошо всех бандитов. Тем более лазерный целеуказатель всегда подтверждал правильность подготовки к выстрелу. При нажатии на спусковой крючок первая пуля короткой двухпатронной очереди ложилась точно в красную точку. Вторая пуля обычно поражала противника дополнительно, практически не удаляясь от точки первого попадания больше чем на пять сантиметров. Так, если бы все оставалось без изменений, бандитов можно было бы перестрелять по одному с тыла. Но, видимо, эмир Дагиров все же понимал, кто воюет на его стороне, и быстро сообразил, что с этими силами удержать позицию он не сможет. И дал команду. Она была выкрикнута громко и на незнакомом спецназовцам языке.

Намерения их стали понятны сразу, как только центральная часть многократно усилила обстрел позиции спецназа. Патронов не жалели, расстреливая скалы в проходе и выбивая из них облака пыли и крошки. При такой плотности огня и многочисленных рикошетах от скал трудно бывает под-

нять голову и прицелиться. И сразу после этого усиления обстрела последовала другая команда. Эмир приказал отступить левому и правому флангам. И, наверное, очень удивился тому, что с каждой стороны поднялось только по паре человек. Потери банды, как оказалось, были катастрофически.

А группа старшего сержанта Семисилова начала методичный и планомерный отстрел бандитов на центральном фланге. Причем делала это так успешно, что понижение плотности бандитского огня сразу стало заметно. Или эмир Дагиров догадался, что происходит, или просто увидел у кого-то на спине красную точку лазерного целеуказателя, но тут же прозвучала еще одна, очень длинная и эмоциональная команда, похожая на ругань, и бандиты центра развернули стволы в обратную сторону. Последовал продолжительный и плотный обстрел прохода за спиной. Это было ожидаемым действием, и спецназовцы успели спрятаться. Но моментом тут же воспользовались бойцы основных сил взвода, резко выдвинулись вперед, и целое отделение при огневой поддержке остальных перебежало совсем близко к бандитской позиции.

Едва стих массированный обстрел, стало ясно, что бандиты ринулись на прорыв теперь уже в полном составе, и спецназовцы, атакующие банду с тыла, снова смогли стрелять. Бандитам требовалось преодолеть следующий узкий проход, дно которого было усыпано крупными камнями. Два взры-

ва последовали один за другим, как только они ворвались в этот проход. Установленные младшим сержантом Васнецовым «растяжки» сделали свое дело, забрав еще несколько жизней. Но это значило, что и дистанция предельно сократилась.

– Гранаты! – крикнул Семисилов, первым бросил за угол гранату «Ф-1». И отпрянул, хорошо зная, как далеко разлетаются осколки этой мощной гранаты¹.

Следом за первой полетели еще три гранаты.

Бандиты, кажется, даже стрелять перестали. Семисилов выглянул из-за угла и сразу дал очередь. Ему показалось, что он определил эмира, дающего какую-то команду, не слышимую за шумом. Очередь оказалась точной, но еще недостаточной. В пятнадцати метрах от Семисилова бежало меньше десятка бандитов. Короткие автоматные очереди, прицельные и выборочные, без жалости били бегущих и в грудь, и в спину. И хотя сам Семисилов только что думал уже о возможности рукопашной схватки и сравнивал силы бандитов и свои, до угловой скалы не добежал никто.

С бандой было покончено...

¹ Согласно паспортным данным, граната оборонительного типа (то есть предназначенная для броска из укрытия) «Ф-1» разбрасывает осколки на дистанцию до двухсот метров. Однако практика показывает, что подавляющее количество осколков разлетается только на тридцать – тридцать пять метров. Хотя это вовсе не говорит о том, что отдельный осколок не может улететь дальше и попасть в кого-то. Хотя это уже вопрос индивидуального везения или же невезения.

Глава первая

Старший лейтенант Самоцветов, коренастый крепыш со спокойным, холодным и бесстрастным, никогда и ничего не выражающим лицом, не поспешил уйти в глубину ущелья. Прежде всего он занялся осмотром бандитов. Среди тех, кого «положили» на коротком пространстве входа в ущелье, были и убитые, и тяжелораненые, и легкораненые, но не это заставило Бориса Анатольевича не проявлять торопливости с осмотром того, что ждало его взвод впереди. Там уже побывали четверо его солдат, значит, оперативной необходимости двигаться дальше пока не просматривалось, а убитые и раненые бандиты Дагирова слишком не походили на обычных бандитов даже по внешнему виду, и это не могло не привлечь внимания командира взвода. Он неторопливо прошел между лежащими телами. Солдаты уже собрали оружие и теперь обыскивали убитых и раненых. Старший сержант Семисилов подошел с докладом. Командир взвода выслушал его внешне невнимательно, занимаясь одновременно просмотром документов нескольких раненых, но слышал, как оказалось, все.

– И где эти бомжи? – Бесстрастный командир взвода даже нос не сморщил, представляя себе встречу с освобожденными пленниками банды.

– Я им приказал сидеть за камнями и не высовываться,

чтобы нам не мешать. Вот и не высовываются. Дисциплину знают.

– Видят же, что все закончилось. Могли бы и выйти. Или мне за ними сбегать?

– Стесняются, товарищ старший лейтенант.

– Бомжи умеют стесняться? – Брови Бориса Анатольевича прыгнули на самый лоб.

Самоцветова, как думал старший сержант, удивить ничем нельзя. Но в этот раз он, кажется, удивился. Стеснительный бомж в понимание старшего лейтенанта не укладывался.

– Может, кого-то боятся, – предположил Семисилов. – Меня или вас. Или боятся, что их в полицию сдадим.

– Да, возможно, они в розыске по ведомству МВД... – подытожил Самоцветов. – Гони их сюда, пока не смотались. Хотя здесь и смотаться некуда. Только что в Грузию. Одни из Грузии, другие, наоборот, туда норовят, – командир взвода засунул в офицерский планшет пачку паспортов убитых и раненых бандитов.

Оказалось, младший сержант Василий Васнецов уже сходил за бомжами и вел их к командиру взвода на допрос.

– Ходячие источники информации, товарищ старший лейтенант, – доложил младший сержант. – Как тут без меня мое отделение? Справилось?

Васнецов командовал во взводе отделением. И из его отделения старший сержант, отправляясь на осмотр ущелья, взял с собой только командира и рядового Стрижакова.

– Я сам тебя заменил, – с ложной скромностью признался старший лейтенант. – Кажется, справился. У тебя, кстати, двое раненых. Позаботься...

– Понял, – Васнецов сразу осмотрел поле боя, выделяя из общего числа спецназовцев своих сгруппировавшихся солдат. – Разрешите идти?

Самоцветов кивком отпустил младшего сержанта...

* * *

– Где остальные рабы? – Это был главный вопрос, ради которого взвод сюда и прибыл и разрешить который было необходимо.

– Их увели на аукцион, а нас, понимаешь, старлей, не уважили, посчитали негодным товаром. Решили, что мы должны их обслуживать и за это время откормиться, – за всех ответил Серафим Львович.

Ответ обеспокоил Самоцветова, хотя вида он и не подал. Но хорошо знающий своего командира старший сержант Семисилов это заметил.

– Где аукцион должен был проходить? – поинтересовался старший лейтенант, по-прежнему не выдавая своего беспокойства. Но было в поведении командира что-то едва уловимое, что подсказывало его заместителю, что не все здесь однозначно. Впрочем, если Самоцветов спрашивает, значит, бандитов взвод нашел, а рабов освободить не удалось. Не на-

шли их просто. Это было довольно странно даже для старшего сержанта.

– Если отсюда выйти – третье ущелье налево.

– Да, оттуда бандиты и вышли. Но рабов там не было... – старший лейтенант вытащил из планшета и развернул карту. Старший сержант смотрел в карту через его плечо. Третье по счету ущелье было довольно широким, хотя имело узкий вход, но оказалось тупиковым. Куда-то уйти оттуда было невозможно.

– Родя... – сказал командир взвода. – Возьми людей, проверь. Бандиты вышли. Мы дали им всем выйти на открытое место, не атаковали. Атаковали только после того, как все вышли. Но ущелье мы не проверяли. Бегом. Возьми с собой отделение...

– Понял, товарищ старший лейтенант. Мы бегом...

Старший сержант подал знак командиру одного из отделений, тот сделал знак своим солдатам, и все они бегом устремились к выходу. Бегать для спецназовцев почти так же привычно, как ходить. И, хотя банда Бабаджана Дагирова была только что уничтожена, Семисилов даже во время бега не забывал об осторожности. Потому из узкой щели прохода он сначала сам высунулся, посмотрел вправо и влево и только потом вышел и дал знак остальным солдатам. Следующее ущелье оказалось на расстоянии сотни метров, второе через тридцать метров от первого, но до третьего было не менее трехсот метров. Тем не менее расстояние было быстро пре-

одолено. В ущелье вошли осторожно, миновали узкий проход, заметили хорошо протоптанную множеством ног тропу в жесткой, смерзшейся земле. А дальше уже открылся почти простор. По крайней мере, в сравнении с тем ущельем, где спецназовцы вели бой, здесь казалось очень просторно и свободно в смысле чистого пространства. Но видно здесь никого не было.

– До конца просмотрите, – подал знак старший сержант, и два солдата устремились к противостоящей почти вертикальной стене. И быстро вернулись.

– Там даже мышке спрятаться негде.

– Возвращаемся...

Вернулись еще быстрее, чем добирались до места проверки. Старший лейтенант уже закончил допрос бомжей и допрашивал по одному раненых бандитов, которым солдаты помогали дойти до командира взвода. Самоцветов выбрал правильную тактику. Конечно, ему было бы не трудно и самому пройтись между ранеными. Но когда раненому пленнику оказывают уважение, когда с ним считаются, когда его почти оберегают, он начинает чувствовать свою значимость. А когда с ним обходятся бесцеремонно, тащат, невзирая на то что ему больно, подгоняют ударами автоматных стволов под ребра, оказывается естественное психологическое давление. И пленники общаются более откровенно.

Так все произошло и в этот раз. Хотя большинство пленников традиционно забыло русский язык, который все они

знали с детства, психологическое давление заставило их быть более сговорчивыми и вспомнить то, что они постарались забыть. Даже жители Грузии вдруг оказались хорошо подкованными в русском языке.

Когда старший сержант вернулся, Борис Анатольевич как раз допрашивал эмира Бабаджана Ашуровича Дагирова, который старался держаться надменно и даже пытался угрожать, что, впрочем, случается со многими пленниками. Сами они понимают в глубине души, что их угрозы – это простая и ни к чему не обязывающая оппонента болтовня, тем не менее этой болтовней они поддерживают свой дух, подбадривают себя и вообще кажутся себе при этом мужчинами, настоящими воинами.

– Ты, старший лейтенант, сам не знаешь, в какую историю ввязался. Я не буду тебе обещать, что тебя убьют, хотя тоже этого не исключаю, но посадят тебя точно... Ты влез в межгосударственные отношения. Ты уничтожил иностранных туристов из государства, которое поднимет большой шум из-за этого. У каждого человека, приехавшего ко мне в гости, есть российская виза в паспорте. Хотя я и не знаю, отменили или нет, как обещали, визовый режим между Россией и Грузией. Но все они, в любом случае, переходили границу законно через пограничный пункт. И это зафиксировано у них в документах.

– Я обратил на это внимание, – спокойно возразил Самоцветов. – Только у меня есть вопрос, и тоже законный. Они

переходили границу с оружием в руках или ты им это оружие выделил?

– В тебя стреляли только мои люди. Мои гости в бою участия не принимали.

– А мои люди говорят обратное.

– Твои люди будут отвечать в суде в качестве обвиняемых. Хотя они действовали и по твоему приказу, но отвечать тоже будут. Это военное преступление.

– И в гости убитые приехали к тебе, к бандиту и террористу? – невинно, почти равнодушно спросил Самоцветов.

– Бандитом и террористом меня считаешь ты и твоя власть. А они считают меня нормальным и честным человеком, с которым можно поддерживать деловые отношения. Они приехали поздравить меня с днем рождения.

– Рановато приехали, – заметил Борис Анатольевич, раскрывая паспорт эмира, который держал в руках. – До твоего дня рождения еще целых пять дней.

– Я родился в горном ауле. И родился на четыре дня раньше, чем записано в паспорте. В паспорте указано то число, когда меня привезли в райцентр в ЗАГС, чтобы зарегистрировать рождение. День рождения у меня завтра. Юбилей. Пятьдесят лет. Это дата!

– Как красиво твоя эпопея закончилась. Почти в день рождения. Жалко, что тебя завтра еще не расстреляют. Хотя я лично обещать это тебе не могу. К моему сожалению, тебя вообще не расстреляют. Тебе, согласно нынешним законам,

дадут пожизненный срок. И будешь три-четыре года подыхать в камере. Медленно и нудно. Дольше с таким приговором в наших гуманных тюрьмах никто не живет. И тебе даже повеситься не разрешат, потому что камера для пожизненно осужденных имеет только три стены, а вместо четвертой решетка. А против решетки «вертухай» сидит. И ты даже на парашу будешь ходить под его присмотром.

Бабаджан Ашурович расхохотался. Он не боялся, кажется, ни смерти, ни тюрьмы, ни холода. Его распахнутая на груди рубаша обнажала широкую грудь, покрытую густыми волосами.

– Интересная у нас с тобой, старший лейтенант, беседа получается. Ты мне камерой угрожаешь, я угрожаю тебе тем же самым. Но ты только предполагаешь, а я точно знаю, что с тобой произойдет. И некому будет за тебя вступиться. А показания твоих солдат во внимание не примут, поскольку солдаты – люди подневольные. А меня адвокаты вытащат. Невозможно будет доказать факты моей причастности ни к одному из произведенных мною взрывов. Косвенные улики ни один суд не примет. Значит, пожизненный срок мне никак не грозит. Будь уверен. Есть люди, которые наймут хороших адвокатов. Иностранцев, опытных в такого рода делах. А тебе никто адвоката хорошего не предложит. Государство тебе самого завалящего предоставит, потому что ты слишком сильно усложнил своими неумными действиями международную обстановку.

– А тебе, эмир, все равно пожизненный срок обеспечен, – сказал Семисилов. – Хотя бы за то, что ты собственноручно с живого человека шкуру сдирал.

Родион сказал и сразу увидел, как туча напозла на лицо эмира.

– А вот здесь, сынок, пусть обвиняют. Я это обвинение с гордостью приму, – сказал он, как казалось, честно и открыто. – Я только волю Аллаха выполнил, который велел убивать таких людей. Кстати, кажется, у вас, христиан, тоже в Библии об этом сказано. Господь ваш завещает своим последователям: если увидишь, что мужчина лег с женщиной, как с женщиной, убей его, и кровь его на нем будет. Дословно я не помню, но что-то такое говорили мне.

Серафим Львович стоял неподалеку и слушал допрос эмира. Семисилов почему-то на него посмотрел, словно подтверждение сказанному Дагировым хотел услышать, и доктор богословия кивком согласился со сказанным.

– Сказано – убей, но не сказано: шкуруними, а это уже убийство с отягчающими обстоятельствами, – сказал командир взвода, хотя и не знал, о чем речь. – А садизм всегда является отягчающим обстоятельством. Хотя в чем-то и я могу тебя такого принять и оправдать, но при условии, что это будет без садизма. А что это был за человек?

– Офицер ФСБ, – сказал Серафим Львович.

– Тем более... Хотя я бы побрезговал к такому прикоснуться, – добавил старший лейтенант, не зная, что повторя-

ет слова бомжа с сильным голосом. – Но офицер находился здесь, наверное, при исполнении служебных обязанностей. Это еще одна статья. Отягчающая... На этот случай наши судьи научились загибать пальцы и складывать положенные сроки заключения.

– Если за это – пусть сажают, – согласился Дагиров. – Будем в соседних камерах сидеть. Хоть пообщаться будет с кем.

– Ладно, пусть так, – согласился и старший лейтенант. – Только скажи мне, куда ты спрятал рабов, которых продавал своим гостям?

– Ты о чем? – спросил Бабаджан Ашурович.

– Не знаешь?

– Не знаю.

– Родион. Что там? – поинтересовался старший лейтенант результатами разведки.

– Тишина... Никого...

– Плохо. Искать надо. А то адвокаты эмира действительно заведут на нас дело. А свидетелей наших или убьют, или запугают. – Самоцветов посмотрел на бомжей.

– Мы уже пуганные-перепуганные, – сказал Серафим Львович. – Мы даже полицию не очень и не всегда боимся.

– Уведите эмира подальше. Он своим присутствием мешает вести допросы, – распорядился Самоцветов. – И осторожнее с ним. У него бедро прострелено. Сделайте ему хорошую перевязку.

Старшему сержанту показалось, что в голосе командира взвода даже какие-то нотки уважения послышались. И даже определенная заботливость.

– Не бедро, а задница... – поправил Самоцветова бомж с сильным голосом, а Семисилов вспомнил вдруг, что это, кажется, он стрелял кому-то в это место. Эмир тогда в профиль стоял и был в бронежилете. В корпус стрелять – пуля может бронежилет и не взять. Потому и стрелял в ягодицу. И не знал точно, что это эмир...

* * *

Допросы пленников продолжились. Раненых было много. Часть из них, конечно, наотрез отказывалась разговаривать на русском языке. Но большинство говорило. И словами своими бандиты старались подтвердить сказанное эмиром. Наверное, Дагиров не случайно говорил громко. Но было непонятно, то ли голос у него такой сам по себе, то ли он для кого-то говорит. Потому Самоцветов не перебивал его и не заставлял разговаривать шепотом. И если раньше версию эмира, насколько слышал старший сержант, пленники даже не упоминали, то теперь о ней старался сказать каждый, кто соглашался говорить. То есть шло прямое обвинение спецназа в уничтожении мирных жителей. И даже не просто мирных жителей, а иностранцев, приехавших в гости на день рождения к другу. Причем никто из друзей с грузинской стороны

не знал, что Дагиров считается бандитом. Он часто бывал в гостях у них и всегда вел себя примерно, был уважаемым человеком.

И только предпоследний из пленников, приведенный с дальней позиции, почти что с той линии, где Семисилов с товарищами держал оборону, на вопрос о том, куда делись рабы, не зная уже сложившегося во время прежних допросов положения вещей и не слышавший слов эмира, сказал почти откровенно и с наглостью:

– А ты попробуй, догони. Они сейчас уже, наверное, в Грузии...

Разговор принял конкретный оборот, чего старший лейтенант и добивался.

– Каким ущельем пошли?

– Ищи! Я за ними не следил...

Наглость всегда должна наказываться. Она и была наказана кулаком стоящего рядом рядового Стрижакова. Он выглядел рядом с бандитом словно тоненькая ветка дерева рядом с мощным дубом. Но при этом хлестким и резким боковым ударом, похожим на удар плетки, срубил этот дуб. Выглядело это впечатляюще.

– Плохие у тебя родители, – сказал рядовой. – Никуда не годные. Таких следует родительских прав лишать.

– Не трогай моих родителей. Они уважаемые люди, – сказал бандит, с трудом переваливаясь из положения «лежа на спине» в положение «сидя на заду». Ранение у него было лег-

кое. Один осколок поцарапал плечо, второй порвал бровь. Солдаты с такими ранениями продолжают бой, а этот и автомат бросил, и сам залег без движений. – Чем они тебе не понравились, солдат?

– Совсем тебя не воспитывали. Не научили говорить вежливо, – сказал Стрижаков.

Тем не менее информация уже высказана, причем важная информация, что стало понятно даже из того, как, выражая недовольство, зашевелились другие пленники. Один из них даже высказал что-то вслух. И этого хватило, чтобы допрашиваемый замолчал. Больше он разговаривать не желал. Даже пинки тяжелых солдатских башмаков заставляли пленника только скалить зубы, но не говорить.

– Он язык себе откусил, – сделал вывод старший лейтенант. – Что толку с таким время терять. Уведите. Будет хамить, пристрелите...

Сваны разговаривали между собой. Обсуждали что-то. Пленник слушал всех внимательно и головой вертел, не обращая на спецназовцев внимания.

Старший сержант Семисилов нашел взглядом бомжа с родинкой под глазом. Тот внимательно слушал, и со стороны казалось, что-то понимал.

– Переводи! – потребовал Родион.

Но бомж надежд не оправдал.

– Я сванский язык не знаю. Их даже грузины не понимают. У сванов у самих несколько языков существует. Как они

друг друга-то понимают – удивляюсь... Я только отдельные слова улавливаю, которые раньше слышал. Да и их, не знаю, правильно ли понимаю. Тон вот улавливаю. Ругают его. Дураком зовут, который, похоже, всех подставил...

– Понятно, – встал старший лейтенант Самоцветов. – Родион. Рабов могли провести через это ущелье?

– Скорее всего, я думаю. Отсюда прямой выход в Грузию. Ущелье даже пограничники перекрыть не смогут. Я по вашей карте смотрел – пограничникам туда не подойти. С двух сторон неприступные скалы. Только отсюда туда и оттуда сюда – сплошной сквозняк...

– Да, я карту тоже смотрел. Для быстрого перехода это самый удобный путь. Только скорость у них и у нас разная. Этим грех не воспользоваться. Организуй поиск следов. Они не птицы... Там трое солдат должны быть. Так в оперативном штабе сказали. У них агентурные данные. Отпечатки башмаков заметны. Ищите...

В поиск опять пошло целое отделение. Искать следы там, где шел бой, было бессмысленно – все истоптано и залито кровью. Следовало отойти дальше. Семисилов и увел отделение дальше. Земля была соответственно времени года смерзшаяся, хотя, к сожалению, снегом не прикрытая, иначе следы было бы легко обнаружить. Но скоро один из солдат нашел отпечатки многих ног. Бандиты преследования все же опасались и перестраховывались – вели рабов не посреди ущелья, где легко было протоптать тропу, а сбоку, по крупным

камням. Но между скоплением камней выдалась полянка с прошлогодней увядшей травой, небольшая, почти круглая, метра три диаметром, и трава там была заметно примята – прошла большая группа. Неподалеку солдаты нашли заброшенный за камень свежий окурок...

* * *

– Непонятная ситуация, – сказал Самоцветов, определяя создавшееся положение. – Мы осмотрели всех убитых и раненых. Дагестанцев только четыре человека вместе с эмиром. Но освобожденные бомжи говорят, что трое с эмиром не из этой банды.

Самоцветов посмотрел на Серафима Львовича. Тот кивнул, подтверждая сказанное ранее. Закивали и другие бомжи, стоящие рядом, плечом к плечу, как три исхудавших мушкетера. Правда, мушкетерского блеска в них видно не было, зато был в глазах блеск какой-то своеобразной гордости за себя и за полное освобождение от всех общечеловеческих условностей.

– Они таких людей в банде не видели. Хотя эти трое и в камуфлированных костюмах, но «камуфляж» другого цвета. Это какие-то посторонние. Или из другой банды, или вообще гражданские, приехали сюда покупать рабов. У нас есть данные, что должны были прибыть владельцы кирпичных заводов. Наличие на всех троих бронежилетов ни о чем не го-

ворит. Бронежилеты в России имеются в свободной продаже. А бизнесменов в местных горах время от времени расстреливают. Значит, могут иметь бронежилеты. Но тогда возникает естественный вопрос – где бандиты? Шестерых вы уложили в ущелье. Остается еще десять человек. Где они?

– Рабов погнали в Грузию, – предположил Семисилов самое, на его взгляд, правдоподобное объяснение.

– Может, их как раз отряд «краповых», что нам встретился, и «ведет»? – высказал свою мысль младший сержант Васнецов.

– «Краповые» что-то темнят. Никакой информации о своих действиях нам не дали. Я, помню, в самом начале своей службы однажды точно так же встретился с отрядом «краповых». И тоже темнили... Потом оказалось, они браконьерничать приехали. Горных козлов для нужд своего отряда решили пострелять. Допускаю, что и здесь может быть что-то подобное. Но у нас своя задача. Отпускать рабов за границу мы не имеем права, – продолжил старший лейтенант. – Нужно догнать. И это не только для нашего оправдания перед следствием, которым нам грозит эмир, хотя это все ерунда. Он – бандит, и мы имеем право на уничтожение его самого и его людей. Тем более что застали его с оружием в руках. И его гостей, так называемых, тоже. Но рабы... Это наше профессиональное дело. Это наша работа. Мы для того сюда и прибыли, чтобы их освободить. Однако идти в погоню с ранеными и пленными мы не сможем. Они будут нас тормо-

зить. Потому придется разделиться. . .

Командир взвода старший лейтенант Самоцветов посмотрел поочередно на всех сидящих рядом с ним сержантов, которые уже поняли, что сейчас будет производиться распределение ролей. Так и произошло.

– Связи с оперативным штабом антитеррористического комитета у нас нет. Дозвониться отсюда невозможно. Сотовая связь в здешних горах отсутствует. Потому работаем автономно. Я с основными силами отправляюсь в преследование. Тороплюсь, потому говорю быстро. С собой беру чуть больше чем полтора отделения. Третье отделение остается сторожить пленных раненых. С ними не церемониться. При этом, мне кажется, во избежание продолжения сговора, лучше обособить эмира от остальных. А остальные – это сваны, потому что местные убиты. Третье отделение караулит раненых, а старший сержант Семисилов с теми же людьми, с которыми сюда, в ущелье, ходил, двигается к «краповым» и, используя их рацию, которая у них имеется, выходит на оперативный штаб и докладывает обстановку. Если встретиться с «краповыми» не получится – они могут оказаться уже далеко, то идет до ближайшего села – а это сорок семь километров, и оттуда устанавливает связь с оперативным штабом. С собой забирает раненого эмира и освобожденных бомжей. Следственную бригаду оперативный штаб вызовет самостоятельно. Если следаки придут до моего возвращения, третье отделение обязательно меня дожидается. Родион может

сдать пленника в районное отделение МВД или ФСБ, пристроить куда-то бомжей и тоже вернуться, а может и на месте дожидаться, когда его заберут. Задача ясна?

– Так точно! – в один голос ответили старший сержант Семисилов и младший сержант Ягода, командир третьего отделения.

– Тогда – все. Я побежал... – старший лейтенант, сидевший на корточках у камня, поднялся.

Глава вторая

Самоцветов не случайно выбрал спутников старшему сержанту Семисилову. Просто сам заместитель командира взвода, если приходилось выбирать, выбирал именно этих парней, с которыми ему легче было и общаться, и работать. Он их понимал лучше, чем других, и они его понимали без слов. Это уже было многократно проверено в деле. Группа старшего сержанта выступила чуть раньше, чем основная группа. Основная еще переливала воду из фляг пленных бандитов в свои фляги, поскольку карта не показывала по пути следования ни одного источника воды, ни ручья, ни родника, и запастись водой было негде. Как будут бандиты обходиться без воды, да еще учитывая, что они все без исключения ранены, это спецназовцев волновало меньше всего. Старший лейтенант Самоцветов заботился только о солдатах своего взвода, да еще о пленниках-рабах, которым тоже вода наверняка потребуется. О тех рабах, которых еще предстояло освободить. У них у всех и от волнения, и от испытаний глотка трескается. Это обычное явление. В их состоянии даже на морозе горло хочется смочить.

Пока взвод переливал воду в свои фляги, Родион Семисиллов тычком автомата поднял на ноги эмира и молча показал ему на выход из ущелья. Бабаджан Ашурович криво усмехнулся:

– Уже на расстрел, что ли?

– Не торопись на тот свет, там девочек нет, – сказал ему бомж с сильным голосом.

– Двигай... – дал команду старший сержант. – И без вопросов.

– Я ранен. Мне ходить больно. Трудно ходить... – возразил эмир Дагиров.

– Если ты надеешься, что я буду тебе из задницы пулю выковыривать, напрасно, – холодно ответил старший сержант. – Я могу тебе только вторую туда же всадить. Двигай. Нам не далеко. Полста километров ты и в таком виде оттопаешь. Не девица...

Эмир то ли что-то прорычал, то ли проворчал, но встал и пошел, заметно хромя. Радости сообщение о пятидесяти километрах, что предстояло пройти, ему не доставило. Но старший сержант помнил, что пройти предстояло не пятьдесят, а всего-то сорок семь километров, как сказал командир взвода, и, поскольку карта у него была в единственном экземпляре, только показал старшему сержанту пальцем, куда идти и как лучше пройти, чтобы не ползать по скалам вместе с раненым. Возможно, отдельные необходимые зигзаги, которые Семисилов отложил в памяти, и увеличивали путь до пятидесяти километров, может быть, даже «с хвостиком». Тем не менее этот путь необходимо было преодолеть. Конечно, имелась надежда встретить «краповых» и через них связаться с оперативным штабом антитеррористиче-

ского комитета, вызвать следственную бригаду и вертолет. Однако Семисилов всегда предпочитал рассчитывать на самый трудный вариант и настраивался именно к такому готовиться. Тем приятнее будет, если встреча со спецназом внутренних войск произойдет и решение вопроса упростится. Это всегда легче переносится, чем разочарование. Бывает, готовишься к легкому, а нарываешься на испытания. И тогда на усталость тяжелым грузом накладывается еще и разочарование, и настроения такое положение вещей не улучшает. Впрочем, сам старший сержант, как и его спутники из спецназа, обладал крепкой нервной системой и не боялся разочарований. Они все хорошо были знакомы с понятием «надо». И если было действительно «надо», то делали это без сомнений. Но вот на других своих спутников спецназовцам положиться трудно, как на раненого эмира Дагирова, так и на изможденных бомжей. И их всех сразу следовало готовить к трудностям дальнего пути. Впрочем, путь был и не такой уж дальний. Всего один дневной переход. Для бойцов спецназа, не отягощенных медлительными спутниками, это было бы переходом всего в несколько часов, причем значительную часть маршрута они преодолели бы бегом. Но спутники сильно сдерживали их. Один – ранен, трое – обессилены. Не на себе же их во время бега тащить. И хотя бомж Егорыч перед выходом в маршрут решительно взял в руки один из захваченных бандитских автоматов, надежды на такого бойца было мало. И когда Самоцветов спросил:

– Тебе-то автомат зачем?

Бомж ответил:

– Когда у человека личные счета со своим недавним угнетателем, это надежнее любой охраны из самого крутого спецназа. Уж я-то этого эмира не упущу...

– А стрелять ты умеешь?

– Когда в армии служил, был лучшим стрелком батальона.

Правда, это было давно.

– И неправда, – добавил Семисилов.

Бомж на добавление не ответил, а сам старший сержант возражать против вооружения союзника не стал. Одним стволом в пути больше – от этого может не быть пользы, но может и быть. По крайней мере, вреда, как казалось, не будет...

* * *

На первом участке пути сложности выдались, наверное, самые неприятные, как думал Семисилов, на всего предполагаемого маршрута. Выходить из ущелья пришлось, буквально лавируя между трупами убитых бандитов. Пространство было узкое, и хотя здесь их лежало не так и много, но все же не хотелось наступать даже на тела врагов. Это казалось старшему сержанту кощунственным. Он не так давно бегом миновал это место, когда торопился по приказу командира взвода во главе отделения осмотреть недалекое ущелье, где

должен был проходить аукцион. Тогда проход не казался таким сложным. Видимо, в тот момент еще не успел остыть пыл боя, в котором не обращаешь внимания на тела убитых. И торопились тогда. Сейчас же, когда уже и психика успокоилась, когда необходимости бежать нет, на сам путь смотришь иначе. Отсюда, из прохода, уже унесли нескольких тяжелораненых, которые не могли сами передвигаться. Когда старший сержант с отделением своего взвода пробегал здесь в прошлый раз, были слышны даже стоны. Сейчас стоны не доносились. Раненые или упокоились вечным сном, или их унесли в одно общее место, где санинструктор взвода делал им перевязки.

Тем не менее тела убитых не помешали выйти, и группа покинула ущелье.

Родион изначально рассчитывал, что будет задавать темп перехода. Но старший группы имеет право выбирать себе ту роль, которая покажется ему наиболее нужной. И старший сержант взял на себя самое неприятное – подгонять плененного и раненого, к тому же высокомерного и озлобленного эмира. Более того, как Родиону смутно вспоминалось, именно им раненного. Кроме того, эмиру в бронежилет попала пара пуль. Удовольствие не из приятных. Ребра после такого попадания долго болят, мешая дышать. Наверное, у эмира Дагирова они сейчас тоже болели, ныли, хотя вида он не подавал. Он был, конечно, мужественным человеком. И шел, преодолевая боль не только в ребрах, но и боль от ранения.

Но Бабаджан Ашурович слышал наверняка слова, сказанные командиром взвода, когда тот провожал группу:

– Если этот... Как его... Если Дагиров кочевряжиться начнет, не стесняйся и просто пристрели его. От него все равно толку мало. Суду меньше с ним возиться. Главное, до связи доберись и отправь сообщение.

Сказано это было, скорее, для самого Бабаджана Ашуровича, а не для заместителя командира взвода. Так старший сержант понял. Но ничего удивительного в том, что эмир Дагиров, как и всякий человек, тоже хотел жить, не было. Он просто хотел жить и потому шел, преодолевая свои физические страдания. И, хотя Бабаджан Ашурович понимал, что впереди, там, куда увлекают его эти солдаты, его ожидает следствие, суд и тюрьма, все же не терял надежды на спасение. И потому, памятуя слова офицера, Дагиров, время от времени начиная хромать сильнее, тормозил движение и порой с тревогой посматривал на старшего сержанта, который, кажется, не сомневался в том, что ему разрешили пристрелить эмира.

Он не боялся смерти, но одновременно и не хотел умереть. Не хотел умереть именно вот так, бесславно и безвестно. Хотя, наверное, он вообще не хотел умирать, и мысль о том, что все пройдет, что все образуется, постоянно сидела в его голове. Бабаджан Ашурович надеялся, что вот-вот что-то случится. Что-то такое, что спасет его. Так всегда происходило раньше. Так должно было бы произойти и сейчас.

И вскоре он начал верить в это. Группа шла между каменной грядой и скоплением «карандашных» скал, как зовут в этих местах выветренные почти до толщины стволов деревьев высокие скалы, когда один из двух рядовых солдат группы что-то воскликнул. Старший сержант тут же отреагировал, поднял автомат и выстрелил с едва различимым звуком. Спецназовцы без задержки даже на секунду заняли боевую позицию. Залегли, хотя и неумело, и бомжи, и только один эмир остался стоять, переводя дыхание и радуясь неожиданной остановке. Да ему и трудно было залечь. Рана не позволяла делать резкие движения.

Он еще не понял, что остановило группу, но была надежда, что свои, и эта надежда несла в душу радость. Но, к удивлению эмира, в спецназовцев никто почему-то не стрелял, хотя он ждал точных и отрывистых, как плетка, бьющих очередей. А сам одиночный выстрел старшего сержанта показался эмиру каким-то странным, непонятно, куда и в кого нацеленным. Бабаджан Ашурович не видел, куда стрелял Семисилов, хотя ему показалось, что со скалы что-то упало.

– Стрижаков! – призывно воззвал старший сержант к тому солдату, что и привлек внимание его автомата своим сигналом.

– Я!

– Пробегись. Посмотри. Если что, мы прикроем.

Бабаджан Ашурович узнал того худошавого солдата, который бил перед окончанием допроса крутоплечего и силь-

ного свана, посмеявшегося разговаривать вызывающе. И очень хотел, чтобы этого Стрижакова перед скалами встретила очередь в голову, потому что очередь в грудь может оказаться бессильной перед бронежилетом даже при стрельбе с короткой дистанции.

Тот рядовой, что первым подал сигнал опасности, легко вскочил на ноги и, петляя, как заяц, устремился в сторону скопления разновысоких скал. При такой непредсказуемости его передвижения, при отсутствии системы в передвижении в него, наверное, было трудно попасть, думал эмир. И потому оправдывал стрелка, который не торопился дать очередь. Лучше выстрелить с близкого расстояния. Однако очереди, к удивлению Бабаджана Ашуровича, он не услышал. Недолго оставаясь на виду, рядовой проскочил между скал и исчез из поля зрения. Ждали его минуты две с половиной. Потом солдат вышел с другой стороны – Дагиров это место хорошо знал и даже предвидел, где Стрижаков выйдет, и возвращался к группе уже вполне спокойно, хотя и не медленно. Но не бежал и не петлял. И нес что-то в руках. Только когда солдат подошел ближе, Бабаджан Ашурович узнал этот предмет и почувствовал радость. Это была шапка-ушанка из белого искусственного меха с солдатской кокардой советских времен. Такие шапки любят покупать приезжающие в Россию иностранцы. Но эмир Дагиров знал, что эта шапка принадлежит не иностранцу, а одному из моджахедов его джамаата – опытному бойцу и хитрому лису Али-

гайдару Барзулавову. И Стрижаков снял ее не с убитого, потому что шапка не была испачкана кровью, хотя оказалась в двух местах пробитой, видимо, одной и той же пулей. Когда старший сержант стрелял в шапку, она лежала на скале высотой в человеческий рост. И, естественно, эмир предположил, что шапка была выставлена здесь не случайно. Она знак эмиру, что его люди здесь, поблизости, и ждут только удобного момента для нападения на спецназ и освобождения своего эмира. До такой хитрости мог только один Алигайдар додуматься. Причем хитрость, совершенно непонятная спецназовцам, но ясная для Бабаджана Ашуровича. Значит, его люди рядом и они его не бросят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.